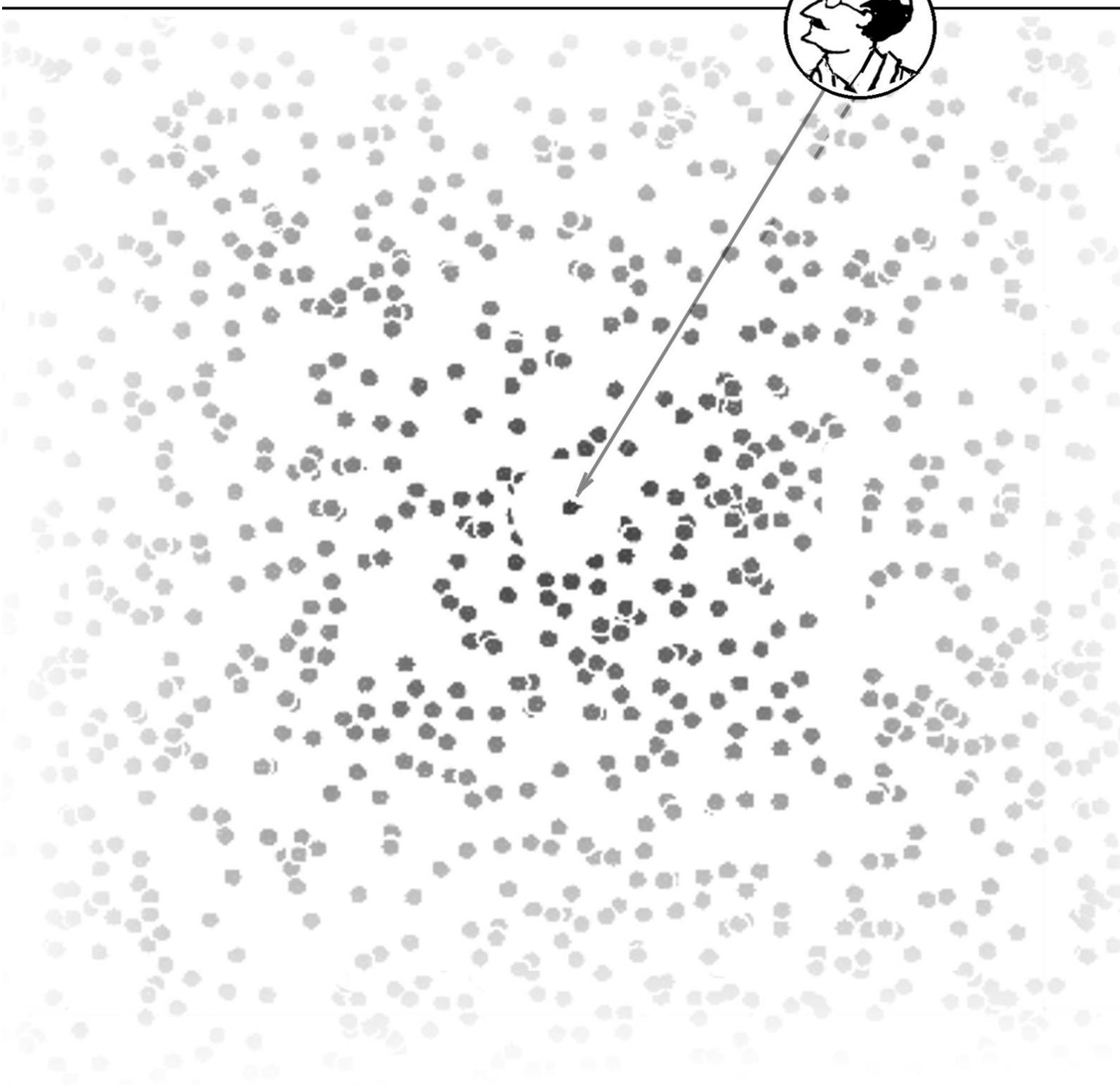

ПЛАН НА ЗАВТРА

Семен Грила

План на завтра

Ты умираешь не тогда, когда нужно, а когда можешь.

Габриэль Гарсия Маркес

Смерть – это констатация и презумпция. Он подумал, что сильно умный и что это не так. Эти слова, неожиданно пришедшие, не более чем отраженный свет давно ушедших светил. Звезда есть, мы же ее видим, но на самом деле ее давно нет. Так уверяют нас астрономы и так обманывают нас чувства. Мы же считаем живым все, что видим и что чувствуем. И конечно, о ком думаем.

Вот так же и он. Он. Кто он такой? Обычный. Спокойный и рассудительный.

Лола

Лола была журналисткой. Ну как журналисткой – она была, скорее, желающей ею быть. Она писала о кошках в пабликах, задавала вопросы, ходила на ток-шоу, вела длинный и скучный блог.

А работала она на кафедре неорганической химии в вузе и мыла пробирки. Впрочем, ей это все нравилось, вплоть до самой этой неорганической химии.

Лола была замужем. И это ее страшно тяготило. Она поспешила, а теперь не знала, как из всего этого выбраться. Если бы ей предложили выбор – пробирки или муж, – она выбрала бы пробирки. Увы, такого никто не предлагал. Не было уже бесшабашной удали молодости, но и до старости с тяжестью ног еще не дошло.

Будем жить, решила Лола и ударилась в роман с преподавателем с кафедры. Такой, знаете ли, служебный роман. Они ходили в кино. Потом к нему. Доцент был молод и весел, и Лола была счастлива. Ну, почти. Если бы не домой. Если бы оставаться у доцента. Но до этого не дошло и не дойдет, вслух говорила она самой себе строгим голосом. Ты замужняя, а не какая-нибудь.

Это смешило. Но недолго. Потом хотелось плакать, и она плакала. И всё по новой.

Мама

Мама была женщиной строгой и серьезной. Особенно теперь, когда, став пожилой, она усилила именно эти качества. Не терялась, что ли.

Он не знал. Она в нем души не чаяла, как говорится. Он терпел. Впрочем, он любил ее – ну, как-то по-своему. Так, наверно, любят строгих матерей. Отдают должное.

Мама много не говорила. Она задавала вопросы и слушала ответы. Потом подводила черту – и появлялось решение. Он вздрагивал, она кивала. Мол, правильно, мальчик мой, так и надо. Содрогнись и делай. Хороший мальчик.

Он прощался и уходил. Она смотрела в окно. Во двор-колодец. Что она там рассматривала, он не знал, она тоже. Но смотрела так же строго, как и на него.

Он сочувствовал двору. И даже жалел. Мамин взгляд продирает насквозь.

После посещения мамы он чувствовал себя отпущенным. Пусть временно, но свободным. Это ему очень нравилось. Поэтому он любил ходить к маме.

Папа

Совсем другая история. Экстраверт. Сиди и слушай. Два часа. Сюжет и выводы. Всегда готовые аргументы. Контраргументы. Стихи по поводу и воспоминания. Любимые и могут не совпадать с заявленной темой. После исчерпания которой папа терял интерес к собеседнику.

Тут люди чувствительные сразу прощались и уходили. Но он всегда сидел еще долго. Назло. Мстил. Хотя и сам не знал, за что. Хотя нет, знал, но не всегда помнил. Обладал этой счастливой способностью забывать.

Папа не учил. Никогда. Он просто жил. Надо было жить, и он жил. Просто так. И без иллюзий. В собственных заблуждениях.

Тетя Вера

Забавный персонаж из детства. Вождеденный когда-то, теперь вызывающий хроническую боль, ибо является лучшей подругой

мамы. Кладезь настоек, мазей и чайных грибов. Знатоки всевозможных рецептов – всего и от всего. Вдова бездетная и потому сохранившая огромный нерастроченный потенциал. Все умеет и все может. Правда, без успеха.

Они иногда ходили пить кофе, если сталкивались у его мамы. Сплетничали о прошлом. Он узнавал каждый раз что-то новое о временах своего детства. Оно после этого становилось совсем другим, нежели он себе представлял.

Со временем ему стало казаться, что тетя Вера все выдумывает. Переписывает историю. Его это шокировало. Он обретал нечто другое, чем имел. Волновался и нервничал. Потом они надолго расставались, и его история возвращалась и побеждала новую. Все внутри успокаивалось. До следующего раза.

Друг Костя

Шельма, а не парень. Они знакомы со школы. Не то чтобы много общались тогда, но потом, в студентах, много. Пили, лазали по приключениям. Было весело. Иногда не очень. Постепенно кураж прошел, а с ним и дружба, которая держалась на выпивке и остальном. Сначала ушло остальное, потом и пить стало скучно.

Костя иногда появлялся, они разговаривали. Расставались без сожаления, до следующего раза. Ровные отношения без интереса, по инерции и на основании тезиса: ну, так же принято, мы давно знакомы, что же я его просто пошлю. Нет, так нельзя. Хотя давно надо было послать. Ну ладно, это не в счет.

Перевернутый счет

К чему все это я? Кризис среднего возраста. У кого в три, у кого в тридцать три, а у кого и в сорок пять. Продолжительность тоже

неопределенная. Да и вообще – кто это придумал? Бумеры, зумеры, кризисы, отношения, что надо уметь, что не надо, что сделать до 30, а что вообще не надо. Газлайтинг, да и только.

Неоновые фонари слепят, да уже и не неоновые, и не слепят, а выжигают. И все летят на этот свет, бормоча про себя то, что важно не забыть. Кому важно? Некое общественное мнение так считает. Нормы, правила, запреты и, конечно же, разрешения ходить за запреты. Ну а как – если есть граница, значит, есть шлагбаум и тот, кто его поднимает. И инструменты, позволяющие быть свободнее, чем другие. Квазимир и обратный отсчет. Вот так всегда, но незаметно.

Хризантемы

Лола пришла. Ну, пришла и пришла. Загремела посуда на кухне приветственно. И как-то весело. Он всегда определял ее настроение по звону посуды. Влюбилась опять, наверное. Весело звенит. Он зашел в кухню.

– Привет.

– Привет.

– Как чего?

– Да как обычно. Ты ел что-нибудь?

– Не голоден. Не знал, когда ты придешь, и поел.

– Ух, молодец, а то я с ног валюсь, столько пробирок сегодня перемила – жуть.

– Отдыхай, у меня завтра отчет, пойду еще посмотрю, что можно до завтра испортить.

– Давай, а я тогда спать.

– Спокойной.

– Ага, и тебе.

Он ушел. А цветы она все-таки не заметила или специально игнорировала. Раньше ее они радовали. Эти чертовы хризантемы, ненавижу их.

Еще долго он жевал это, уставившись в монитор. А, к черту! И нашел свою недоделанную презентацию.

Пробирки она мыла. Ну да, как же.

Все-таки мысль – самое заразное, что придумали люди. Хотя как они могли придумать мысль. Он засмеялся. Как-то полегчало сразу.

На работе

До него никому не было дела. Не потому, что это был он. На работе никому ни до кого нет дела. Все хотят, чтобы их не трогали, и быстрее идти по своим делам после работы.

Существо дела не имело значения для всех, ну, может быть, кроме начальства, хотя он сильно сомневался в наличии какой-то необычной мотивации у местного начальства. Впрочем, все может быть. Возможно, деньги или карьера. Деньги, конечно. Карьера лишь как пропуск к большим деньгам.

Деньги. Эквивалент. Счастья.

А вот Лолу деньги не волнуют. Она как-то умудряется без них быть счастливой.

Ему повезло. Она его не просит зарабатывать больше. Ей хватает того, что есть. Ему с ней точно повезло. В этом смысле.

Ах да. Он же на работе. Хорошо бы уйти пораньше. Надо что-нибудь придумать и сказать начальнику. Может прокатить.

Презентация прошла нормально. Попробую, решил он.

Начальник

У него замечательный начальник. Все понимает. Всех любит. Большая душа. Широкая.

Начальников он повидал достаточно. Они были разными и одинаковыми одновременно. Все они хотели, чтобы подчиненные не доставляли им проблем. Всего-то. Скучно.

Теперьшний начальник был не скучный. Он творил, выдумывал и пробовал. И от других хотел.

Но тут не совпало, ибо он, наверное, уже постарел, хотел покоя и ровных отношений. Без пожара. Без трепета и жарких объятий. Ровно. Но он симулировал и, судя по начальнику, по их отношениям, весьма неплохо.

Он пошел к нему и постарался, и объяснил, и получилось. Он уйдет прямо сейчас, потому что выгорел на подготовке к сегодняшнему докладу и видеть ничего не может, но до завтра он восстановится, если начнет прямо сейчас. Начальник молча выслушал, улыбнулся, махнул рукой, сопроводив это радостным «Валяй». И он свалил. Красота!

Музей

Вы не поверите, но он пошел в музей. Вернее, он и сам не поверил, когда обнаружил себя глядящим на полотно под названием «У реки». Действительно, был нарисован берег реки, пацаны с удочками, ивы, травка и какие-то бабы, собирающиеся стирать.

Соцреализм, с отвращением подумал он, хотя почему он ненавидел соцреализм, он объяснить бы не смог, если бы спросили. Он просто не любил этих розовощеких, мускулистых, пышнотелых мужчин и женщин, которые что-то строили, метали спортивные снаряды, переплывали реки или вот удили рыбу.

Как же это меня сюда занесло, подумал он и вспомнил, что этот выставочный зал в двух кварталах от его работы. Видно, он вышел радостный и пошел куда глаза глядят, а они и нагляделись.

Да, констатировал он, фигня какая-то. Пойти, что ли, к Розенфельду заглянуть, раз так потянуло на искусство. Тогда нужно через алкомаркет.

Он вышел и быстро нашел что нужно. Он не любил эти названия. То ли дело было – винно-водочный. Песня. Да и хрен с ним. Взял водки.

Розенфельд

Розенфельдом знакомые звали Петра Ивановича Скворцова. Почему? Никто не знал. Как в том анекдоте: спросят, а у нас ни одного. Вот так и повелось с чьего-то легкого языка.

Пётр Иванович был графиком. Очень хорошим. Он оформлял книжки, делал это мастерски.

У него была мастерская, где всегда можно было прийти и сидеть сколько хочешь. Мешать работать ему было невозможно. Ну невозможно! Если только руки связать. Да и то.

А вот когда ему работать не хотелось, вот тут никто заставить его не мог. Если пытались, он уходил в запой. А это было страшно. Поэтому не работать Петру Ивановичу не мешали. Вот такой он был, этот Розенфельд.

Отдых

Как и обещал начальнику своему, он отдыхал. Розенфельд оказался дома. Водка была кстати. Его встретила как родного теплая компания почитателя таланта вместе с его хозяином. Что-то пели хором. Увидев водку, запели лучше, прям хорошо запели.

Потом выпили, и кто-то спросил его на новенького о планах на завтра. В этом доме было принято играть в такую игру. План на завтра. Правила были твердые. Если компании не нравился ответ, то рецензируемый немедленно отправлялся за водкой, увилить или отмолчаться было нельзя.

Он встал и доложил собравшимся, что завтра планирует жить. Воцарилась тишина, а потом раздались дружные аплодисменты. Когда они стихли, его спросили, были ли другие варианты плана на завтра. Все засмеялись.

Он опять встал и сказал. Да, были. Он планировал не жить. Но застав жизнь дома – тут он обвел присутствующих рукой, – он переменял решение под натиском невообразимой витальности собравшихся тут сил.

Когда они выпили еще, он попросил разрешения у Розенфельда осуществить план завтрашнего дня под его присмотром, раз приемная комиссия одобрила единогласно. Все опять зашумели, заволновались и стали прикидывать бюджет завтрашней жизни. Потом все стихло. Волнение и усталость победили.

Он спал, и ему снились мама, отец, тетя Вера, Лола и даже Костя. А кто-то, кого он не смог идентифицировать, все время говорил ему: «Ты молодец, Фёдор! Жизнь есть жизнь!»

– Почему Фёдор? – подумал он во сне. – А, к черту!